

A detailed illustration of a man and a woman in a steampunk setting. The man, with long dark hair and a goatee, is seated in a red leather chair, wearing a dark suit over a white shirt. The woman, with long red hair, is leaning over him, holding a pair of large scissors and a comb, appearing to be a hairdresser. She is wearing a white blouse, a brown corset, and a green skirt. The background features a stained glass window and shelves with various bottles.

Натали Веспер

**ПОПАДАНКА
С НОЖНИЦАМИ,
или
Дракону (не) нужен
парикмахер**

Натали Веспер

Попаданка с ножницами, или Дракону (не) нужен парикмахер

<https://litres.ru/74294347>

Аннотация

Была неудачницей с кучей кредитов, а стала... Ещё большей неудачницей, но с магией! И подумаешь, тело молодое и красивое. Зато меня меня вот-вот выгонят с работы, обвинят в поджоге, а местная гильдия уже точит на меня зуб.

И как так получилось, что мой единственный шанс на спасение — лорд Аргент? Серебряный дракон, который сжигает тех, кто ему надоедает.

Прорвёмся! Дракону тоже нужен парикмахер!

В тексте вас ждут:

Властный дракон

Попаданка с юмором

Развитие своего дела

Обустройство быта

От ненависти до любви

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пролог

Драконы, как оказалось, страшно боятся седины.

Я стояла в самом сердце своего крошечного салона «Волшебный локон», пахнущего розмарином и палёной завивкой, и держала перед собой флакон, как святую воду перед вампиром. На этикетке было нарисовано весёлое солнышко и подпись: «Омолаживающий спрей. Маскирует седину за три секунды!».

По ту сторону моего импровизированного баррикадного стола из парикмахерского кресла и трёх табуреток стоял человек, который не должен был бояться вообще ничего. Лорд Аргент. Богач, затворник, коллекционер редких вин и, по непроверенным слухам, серебряный дракон.

В данный момент он выглядел не как мифический ящер, а как кот, которого только что выкупали.

— Аэлин, — его голос был тихим, отчего по спине пробежали мурашки. — Ты понимаешь, что если этот... эликсир... попадёт на мою кожу, я вынужден буду съесть тебя? Не из злобы. Из соображений сохранения тайны.

— Понимаю, — кивнула я, не опуская «оружие». — Но вы же тоже понимаете, что если вы сейчас превратитесь и чихнёте, от вашей тайны останется только дымящаяся воронка на месте моего салона? Вместе с вашей новой, идеально уложенной бородой. За которую, напомню, вы ещё не заплатили.

Он чуть дёрнул уголком губ. Кажется, это была попытка улыбки.

— Торговаться с драконом? Смело.

— Я не торгуюсь. Я веду переговоры в условиях цейтнота, — парировала я. За спиной у меня уже слышались топот и крики на улице. Гильдия цирюльников не любила долго ждать у дверей. — У нас есть два варианта. Вариант первый: вы отходите в сторону, я прыскаю этим в лицо главе гильдии, старику Торвальду. Он на секунду превратится в блондина, мы пользуемся замешательством и смываемся через заднюю дверь.

— Отвратительный план, — сморщил нос Аргент. — Я не бегаю от ремесленников с бритвами.

— Согласна. Поэтому есть вариант два: вы признаете, что я ваш личный и исключительно ценный мастер, и... ну, слегка на них порычите. Без фанатизма. Чтоб знали, чей это салон.

Шум за дверью нарастал. Кто-то уже колотил в ставни.

Аргент медленно, очень медленно провёл рукой по своей идеальной бороде, уложенной в сложную драконью косичку (моё ноу-хау).

— И какой мне резон так рисковать? — спросил он, и в

его глазах мелькнул тот самый, нечеловеческий, холодный блеск. — Из-за какой-то бродячей цирюльницы-самозванки, которая не знает толком, откуда у неё руки растут?

Вот это было больно. Но справедливо.

Я глубоко вздохнула, готовая выложить свой последний, самый безумный козырь.

— Резон в том, что только я знаю, как сделать так, чтобы чешуя на вашем левом плече не отливала фиолетовым при лунном свете. Это портит весь серебряный образ, поверьте. И ещё... только я не спрашиваю, *откуда* у вас взялись волосы эльфийского принца для наращивания. А они у вас, на случай если вы забыли, в мешочке в кармане.

Наступила тишина. Такой тишины, в которой слышно, как горит свеча и как замирает сердце где-то в районе сапог.

Лорд Аргент замер. Потом рассмеялся. Звук был низким, тёплым и совершенно нечеловеческим.

— Чёрт возьми, Аэлин, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучало не раздражение, а уважение. — Ты бы сделала карьеру в политике. Или в шпионаже.

— Я делаю карьеру в красоте, — поправила я. — Это опаснее.

Дверь с грохотом затрещала под ударами.

— Ну что ж, — Аргент расправил плечи, и воздух вокруг него вдруг заструился, как над раскалёнными камнями. —

Держись за свой спрей. Придётся немного... напугать их.

Именно в этот момент, когда от двери полетели щепки, а в воздухе запахло грозой и дорогим табаком, я и подумала: «Боже, и как я, обычная парикмахерша из салона «Бульвар» с долгами бывшего мужа, вообще до такого докатилась?»

А начиналось всё, надо сказать, гораздо прозаичнее. С моего трупа в салоне красоты и воскрешения в теле бедной цирюльницы, которую выгнали за поджог.

Но это уже совсем другая история.

Глава 1

Жизнь после сорока пяти — это не кризис среднего возраста. Это такой затяжной фильм ужасов в жанре «бытовуха», где главный монстр — твой собственный муж.

Меня зовут Алёна. И мой монстр звался Сергей.

В свои сорок пять я выглядела... честно? Как женщина, которая слишком много лет тащила на себе лодку, в которой муж усердно сверлил дыры. Лишние двадцать килограмм — не от хорошей жизни, а от нервных ночных перекусов, пока ждёшь, что «этот человек» наконец вернётся «с друзьями». Морщины у глаз — не от смеха, а от постоянного прищура: «Серёж, это опять новый займ? На моё имя?».

Он играл. Не в шахматы. Далеко не в шахматы. Всё началось с футбольных ставок («Я же разбираюсь!»), перетекло в онлайн-казино («Тут система!») и достигло апофеоза, когда он заложил мою машину, которую я сама и покупала, «на короткий срок». Это был три года назад. Я «Киа» больше не видела.

Но игра — это было только полдела. Второй его талант — находить утешение. В лице молоденькой официантки из его же «последнего и несчастного» бара. В лице «просто подружки», которая «понимает его тяжёлую душу игрока». Я узнавала о них всегда постфактум, по духам дешёвой сирени на

воротнике и по пустому банковскому счету, куда вдруг приходили непонятные переводы на «цветы».

В тот роковой день я, как обычно, пахала в салоне «Бульвар». Делала химию госпоже Петровой, которая в свои шестьдесят мечтала о локонах Шер. В ушах — её бесконечный рассказ о путешествии внуков в Турцию. В голове — мысленный список долгов: «Быстроденьги», «Домашние деньги», «Скорая касса». Все как один поздравляли меня с «отличной кредитной историей», которую Сергей так усердно копил на моё имя.

— Алён, ты слушаешь? — упрекнула госпожа Петрова.

— Конечно, — автоматически улыбнулась я, накручивая очередную прядь. — Простите, аппарат гудит.

Аппарат и правда гудел. Старый советский фен «Вихрь», наш салонный раритет. Он пережил трёх владельцев, пять ремонтов и, кажется, собирался пережить и меня. Он иногда пощипывал током — слабенько, по-дружески. Я к этому привыкла. Как привыкла к Серёжиным оправданиям.

Мой телефон на туалетном столике завибрировал. СМС. «Уведомление от МФО "Кредолино": просрочка по договору 456...»

Кровь ударила в виски. Это был уже седьмой. СЕДЬМОЙ. На МОЁ имя.

Я так сильно сжала фен, что костяшки пальцев побелели. В тот же миг «Вихрь», словно солидаризуясь с моей яро-

стью, издал не просто привычный треск, а какой-то злобный, пронзительный визг. По руке, мокрой от кондиционера, пробежала не просто щекотка статики, а белая, обжигающая молния.

Боль была нечеловеческой. Не как удар, а как будто все мои нервы, все долги, все предательства и вся усталость за сорок пять лет сконцентрировались в одной точке и взорвались.

Последнее, что я увидела, — это испуганное лицо госпожи Петровой, её новые бигуди, похожие на щупальца медузы, и искры, танцующие на расчёске.

Последняя мысль была удивительно банальной: «Вот и всё. Хоть хоронить не на что. Пусть Сергей сам разбирается со своими “Кредолино”».

А потом — запах гари. Но не палёных волос. Другой. Деревянный, тяжелый, с примесью чего-то кислого и чужого.

И красное, чужое лицо над собой, орущее что-то про «колдовство» и «бальзам лорда Фалька».

Я даже не сразу поняла, что это не ад. Это оказалось что-то другое.

Глава 2

Просыпаться всегда неприятно. Особенно когда вместо привычного запаха кофе и затхлого Серёжиного носка в нос бьёт аромат дыма, дешёвого табака и чего-то кислого — вроде прокисшего кваса.

Я открыла глаза. Не к лицу мастера-парикмахера высшей категории Алёны из салона «Бульвар» подошло бы такое пробуждение. Но к лицу Аэлин, подмастерья цирюльника Гарта, чьё тело я теперь, судя по всему, занимала, — вполне.

Прямо над собой я увидела не потолок с трещиной в форме Италии, а красное, потное лицо моего нового босса. Гарт дышал на меня перегаром и яростью.

— Очнулась! — прошипел он, не скрывая разочарования. — И о чудо — ничего не отвалилось. Хотя после твоих фокусов могло бы.

Я попыталась приподняться на локтях. Голова гудела, как улей после дождя. Вокруг была не знакомая стерильная белизна салона, а тесная, закопчённая коморка. На полке — глиняные горшки, свёртки с травами, на стене висели бритвы разной степени зловещности.

— Что... что случилось? — мой новый голос, тонкий и молодой, прозвучал сипло.

— Что случилось? — Гарт фыркнул, и облако перегара стало ещё гуще. — Пока я отлучался, ты, моя дорогая учени-

ца, решила поупражняться в своём «искусстве»! Над балльзамом для лорда Фалька! Я вернулся — а он у тебя в горшке синим светится и пузырится, как зелье ворожей!

В голове пронеслось смутное воспоминание — не моё, а Аэлин. Руки, что-то шепчущие над ступкой... Щепотка не той травы... Искра отчаяния, потому что обычный рецепт никак не хотел получаться...

— Это не колдовство, мастер, — автоматически выпалила я, включая режим оправдания, отточенный за годы жизни с Сергеем. — Это... передовая алхимия! Я читала, что если добавить солнечный камень, растёртый в пыль...

— Солнечный камень?! — Гарт взвыл так, что с полки свалилась банка с надписью «Пиявки. Жирные». — У меня гильдейская лицензия! У меня клиенты! А не шабаш ведьм! Лорд Фальк, если узнает, что его лицо будет касаться этой... этой дряни... Он меня на дыбу вздёрнет! Или на кол! Или и то, и другое, по очереди!

В этот момент в коморку вбежал мальчишка-подсобник, глаза круглые от ужаса.

— Мастер Гарт! Мастер! Беда!

— Опять что? У неё помада сама на губы прыгнула? — рявкнул цирюльник.

— Нет! Цирульня... она... горит!

На секунду воцарилась тишина, которую нарушил только треск. Не в моей голове. Снаружи.

Мы высыпали в основное помещение. И да, с потолка уже сыпались искры, а из-за перегородки, где стояли печь и котлы, лился едкий чёрный дым. Пахло горелым жиром, деревом и... серой? Странно.

— ВОДЫ! — заорал Гарт, срываясь на визг. — ТАЗЫ, ВСЁ, БЕГОМ!

Началась сюрреалистичная суэта. Мы, включая меня — шатающуюся и не понимающую, с какого конца таз брать, — носились как тараканы, выливая на языки пламени воду, которая, казалось, только злила огонь.

Именно в этот момент, когда я в пятый раз бежала к колодцу во дворе, дверь снаружи с грохотом распахнулась. На пороге стояли двое: здоровенный детина с дубиной (городская стража, по-видимому) и сухонький старичок в темно-синем плаще с эмблемой — скрещённые бритва и гребень.

Гильдия.

Они окинули взглядом картину ада: Гарт, тушащий свой фартук, мальчишку, икающего от дыма, и меня — мокрую, перепачканную сажей, с дикими глазами.

Старичок из гильдии поднял руку. Всё замерло, кроме треска огня.

— Остановитесь. Огонь почти потушен, — сказал он ледяным голосом. Затем его взгляд, острый как бритва, уставился на меня. — Это и есть ученица? Та самая, что была

замечена за непотребными манипуляциями?

Гарт, ещё секунду назад готовый меня придушить, вдруг резко переменялся в лице. Он выпрямился, принял вид оскорблённой невинности и трагически указал на меня пальцем.

— Она, достопочтенный мастер! Всё она! Колдовала тут, пока меня не было! Наверняка и пожар — дело её рук! Хотела следы замести! Или демона какого призвала, да не справилась!

У меня отвисла челюсть. Карьерный рост? Нет, не слышал. Выгорание? Ага, в прямом смысле.

— Это... это неправда! — выдавила я. — Я ничего не поджигала! Я пыталась помочь тушить!

Но её было не слышно за ревом Гарта, доносящимся с улицы криками «Ведьма!» и одобрительным кивком гильдейского старичка.

— Всё ясно, — произнёс старичок, его глаза блеснули странным удовлетворением. Найти виноватого — всегда быстрее, чем искать причину. — Аэлин, подмастерье, вы обвиняетесь в нарушении гильдейского устава, применении запрещённых практик и поджоге. Гильдия займётся твоим делом. А пока... — он кивнул стражнику.

Тот шагнул ко мне, и его ручищи сомкнулись на моём плече с силой тисков.

Меня вывели на закопчённую улицу. За спиной догорала

цирюльня Гарта. Впереди маячила перспектива гильдейского суда, а за ним — чего похуже. Колодца? Кандалов? Продажи в служанки к троллю?

Я шла, спотыкаясь, под толчками стража. В голове гудело только одно: «Серёжа, родной, где ты? Я бы сейчас даже твои долги с микрозаймов оплатила, лишь бы оказаться в нашей однушке. Даже с тобой».

Но Серёжи не было. Была только вонючая средневековая улица, толпа зевак, тыкающих в меня пальцами, и стражник, который вёл меня напрямиком к новым приключениям.

«Ну что ж, Алёна-Аэлин, — подумала я с горькой иронией. — Конкурентная борьба в этом мире начинается не с чёрного пиара, а с самого настоящего поджога. И похоже, мой бизнес-план «Волшебный локон» придётся писать уже в тюремной камере».

А запах гари, надо сказать, очень напоминал запах палёных волос от моей старой выпрямительной плиты. Уютная такая, домашняя катастрофа. Только масштабом побольше.

Глава 3

Меня, конечно, не посадили в темницу. Гильдейский старичок, Мастер Торвальд (я запомнила это имя, чтобы когда-нибудь при случае плюнуть в его табакерку), оказался практичным человеком.

— Тюрьма стоит денег, — буркнул он, окидывая меня взглядом, каким смотрят на заразу на башмаке. — А вот изгнание из гильдии — нет. Гильдейская метка аннулируется. И чтобы дух твой в этом квартале не пахнул. Ступай. Куда глаза глядят. Желательно, в болото.

Метку у меня, правда, не спросили — её просто выжгли из моего гильдейского свитка магическим штампом «АН-НУЛИРОВАНО». Свиток отобрали. А мне выдали взамен... ничего. Кроме, разумеется, подозрений в колдовстве и поджоге, которые теперь витали вокруг меня плотнее, чем вонь с городской свалки.

Так я и вышла на улицы незнакомого города, который в моих новых (и весьма скудных) воспоминаниях Аэлин звался "Каменный Перекрёсток". Название обнадеживающее. Видимо, каменными здесь были не только улицы, но и перспективы.

Первым делом я попыталась устроиться хоть куда-нибудь. Навыки-то у меня были! Я могла делать каре, мелирование, бразильское выпрямление... Правда, в этом мире просили

«подровнять космы», «вывести вшей» и «пустить дурную кровь». Но я была готова учиться!

Хозяин постоянного двора «У Пьяного Единорога», усатый бугай, посмотрел на мои руки.

— Цирульница, говоришь? Без гильдии? — Он плюнул на пол, недалеко от моих стоптанных башмаков. — У меня посетители с деньгами. Им подавай с гильдейской печатью. А всякие поджаренные колдуньи... — он многозначительно потер подбородок, — ...нам не нужны. Слышал, у Гарта цирюльня чуть не дотла сгорела из-за одной такой.

Я попыталась улыбнуться, как на собеседовании в «Бульваре». Получился оскал загнанной крысы.

— Это недоразумение! Я отлично брею! И стригу! И... травяные настои знаю!

— Настои, — хмыкнул он. — Знаем мы эти ваши настои. Убирайся, пока сам не загорелся.

Вторая попытка — прачечная. Там требовались сильные руки. Руки у Аэлин были, но вид у меня был такой, будто я уже отстирала полгорода и меня повесили сушиться. Хозяйка, женщина с лицом, как у вяленой щуки, пощупала мою худую руку.

— Не вытянешь корыто. Да и глаза у тебя... беспокойные.

Колдуньи с беспокойными глазами у меня не работают. Иди отсюда, смутьяня.

К полудню я поняла две вещи. Первое: слухи в Каменном Перекрёстке распространяются быстрее чумы. И второе: ярлык «гильдейская отступница» и «поджигатель» прилип ко мне прочнее, чем налёт на котлах у Гарта.

Жить было негде, есть — нечего. Я присела на краю фонтана, из которого пила какая-то кряква с зелёными перьями, и попыталась мыслить стратегически. В кармане у Аэлин (вернее, в её убогой сумочке из грубой ткани) нашлось: одна медная монета с профилем лысого короля, засохший кусок хлеба, похожий на клинкерный кирпич, и острый, как бритва, ремесленный нож. Всё наследство.

— Эй, красавица! — раздался голос сзади.

Я обернулась, с глупой надеждой. Надежда испарилась. Ко мне подкатил тип в стоптанных сапогах, с масляной улыбкой. От него пахло дешёвым вином и большими неприятностями.

— Слышал, ты на рынке труда свободна? — Он огляделся. — У меня для тебя дельце есть. Один господин... ценит девушек с ловкими ручками. Особенно если они умеют... ну, создавать настроение. Зайти обсудить?

В моём прошлом мире это называлось «сетевым маркетингом» или «работой в ночном клубе». Здесь, судя по взгляду, всё было проще и непригляднее. Ловкие ручки в его

понимании должны были не стричь, а шарить по карманам. Или ещё чего похуже.

— Спасибо, — я встала, сжимая в кармане нож. — Но я как раз вспомнила, что у меня встреча. С... инквизитором. Чисто поболтать о бальзамах.

Улыбка у него сползла с лица, как яичница с перемасленной сковороды.

— Сама напросилась, дурная бабёнка, — проворчал он и растворился в толпе.

Час спустя я уже готова была согласиться на что угодно. Даже на то, чтобы стать подопытной у алхимика, который искал «субъектов с пониженной чувствительностью к боли». Меня спасла только его ассистентка, прошептавшая мне на ухо, пока господин алхимик копался в ретортах: «Беги, дура. Последняя «субъектка» у него лопнула, как мыльный пузырь. Со всеми потрохами».

Я бежала. Уже просто так, куда глаза глядят, подальше от центра. Оказалась в районе, который вонял рыбой, дегтем и безнадёгой. Здесь, среди покосившихся лачуг, на меня смотрели уже не с подозрением, а с безразличной злобой. Без гильдии, без денег, без рода-племени я была здесь никем. Мусором, который вот-вот выметут в сточную канаву.

На пустом желудке и с отчаянием в душе я свернула в какой-то тупичок, чтобы просто прислониться к стене и не упасть. И тут увидела его. Скромную, кривую табличку,

нацарапанную на облупленной двери: «Цирульня. Мастер Грим. Без гильдии. Дёшево».

Сердце ёкнуло. Без гильдии! Значит, мой товарищ по несчастью! Человек, который поймёт!

Я уже потянулась к двери, полная последней надежды, как она распахнулась. На порог вышел сам Мастер Грим. Вернее, выкатился. Человек-бочка с одним глазом и руками, похожими на окорока. Он облизнулся, увидев меня.

— А, клиентка! Заходи, красотка, сейчас я тебе... — его единственный глаз блуждал где-то на уровне моего худого плеча, — ...всё почищу. Особенно карманы.

Я отшатнулась. Его «цирульня» представляла собой тёмную конуру, где на гвозде висела одна ржавая бритва, а на полу валялись комки грязной пакли. Это было не место работы. Это было место последнего упокоения для кошельков и, возможно, для их владельцев.

— Я... я ошиблась дверью, — прошептала я и бросилась прочь, под его хриплый, полный обещаний, смех.

Смеркалось. В воздухе повис холодный, колющий туман. Я бродила по задворкам, дрожа от холода и голода. Мысли путались. Я вспоминала тёплый салон «Бульвар», запах лака для волос, свою уютную, заложенную по самые трубы однушку... Даже Сергей в этот момент казался меньшим злом. Он хотя бы был знакомым злом.

Тут моя нога наступила во что-то мягкое и склизкое. Я

посмотрела вниз. Это была не просто лужа. Это было нечто, явно покинувшее кишечник того самого зелёного селезня из фонтана. Тёплое, свежее и невероятно вонючее.

Я застыла, глядя на свой испачканный башмак. А потом тихо, едва слышно, рассмеялась. Истерически. Сквозь слёзы.

— Ну конечно, — прошептала я самой себе, новой, несчастной Аэлин. — Просто символично. День, полный дерьма, и закономерный финал. Прямо в него же.

Я вытерла ногу о жёсткую траву у забора. И в этот момент мой взгляд упал на старую, полуразвалившуюся карету, брошенную у забора. В ней не было колёс, зато была крыша и три относительно целые стены.

Бездомные в средневековье, видимо, тоже были. И это было их жильё.

Я подошла ближе. Внутри пахло плесенью и отчаянием. Зато не было Мастера Грима. И не было дождя. Пока.

Я забралась внутрь, свернулась калачиком на гнилой соломё и достала свой хлебный кирпич. Отломил кусок. Он вкусом напоминал опилки, смешанные с печалью.

— Ладно, — сказала я вслух, обращаясь к скрипущим балкам кареты. — Итак, стартовый капитал: одна монета, нож и полкирпича хлеба. Репутация: поджигатель и колдунья. Жильё: брошенный экипаж. — Я сглотнула безвкусный комок. — Знаешь, Аэлин, а ведь есть куда расти. Только, чёрт побери, вниз, похоже, уже некуда.

С этой невесёлой мыслью я и уснула под завывание ветра

в щелях, мечтая не о драконах и замках, а о миске простой тёплой похлёбки. И о том, чтобы завтрашний день был хоть на каплю менее дерьмовым.

Буквально.

Глава 4

Утро в моей новой резиденции «Брошенная карета, вторая слева от вонючей канавы» началось с того, что на меня упал потолок. Ну, не совсем потолок. Кусок прогнившей кожи, которая когда-то им была. Он приземлился мне на лицо с мягким, пыльным звуком и принёс с собой аромат вековой плесени и разочарования.

Я отплёвывалась, вылезая из своего экипажа-гроба. Город просыпался. Где-то кричал петух, но кричал он как-то неуверенно, будто понимал, что его в любой момент могут пустить на суп. С моим желудком эта мысль вызвала нездоровый интерес.

Пошатываясь от голода, я побрела вдоль забора. Нужно было найти что-то. Не еду — на неё у меня оставалась одна монета, которую я берегла как зеницу ока на случай, если придётся подкупить палача, чтобы тот сделал всё быстро. Нужно было найти... возможность.

И тут я её увидела. В конце тупика, заваленного горшками с битым черепком, торчало нечто, напоминающее дом. Если дом представить себе после встречи с разъярённым великаном, который использовал его в качестве боксёрской груши.

Это было двухэтажное здание, вернее, его тень. Крыша провалилась в нескольких местах, окна зияли пустыми глазницами, а дверь... дверь висела на одной петле, приоткрыв-

шись с таким скрипом, что, казалось, она вот-вот отправится в мир иной вслед за крышей. Над входом ещё держалась вывеска, но прочесть на ней можно было только два слова: «... и Сыновь...». Остальное съела погода и какая-то нахальная птица, свившая гнездо прямо в букве «О».

Моё сердце, привыкшее к ипотечным ставкам и стоимости аренды в центре, дрогнуло. Бесплатная площадь. В относительной, конечно, сохранности. Окна есть — значит, будет свет. Стен четыре — значит, можно повесить зеркало. А то, что между стенками гуляет ветер и на втором этаже, возможно, живёт тролль-отшельник... Мелочи!

Словно замороженная, я подошла ближе. Скрипящая дверь пропустила меня внутрь с таким вздохом облегчения, будто ждала именно меня.

Внутри пахло пылью, тленом и... чем-то ещё. Сладковатым. Как старые духи. Основное помещение было пустым, если не считать горы мусора в углу и здоровенной, похожей на алтарь, стойки из темного дерева. Пол был каменный, потрескавшийся. Лестница на второй этаж выглядела так, что по ней можно было подняться только в загробный мир, и то в одну сторону.

Но зато! В глубине была ещё одна дверь, ведущая в маленькую комнатку. Там стоял очаг с разваленной трубой, а у стены — целая, о чудо, каменная раковина со ржавым желобом для стока. Я подошла и дёрнула за деревянную заглушку в стене. Сверху, с жалобным бульканьем, хлынула струя

ледяной, мутной воды. Я вскрикнула от восторга, как будто мне включили джакузи с гидромассажем. Вода! Значит, можно мыть головы! Или хотя бы инструменты. Или себя, в крайнем случае.

Я выбежала обратно в основное помещение, распахнув руки.

— Салон «Волшебный локон» открывается! — торжественно провозгласила я пустоте и паутине.

Эхо ответило мне приглушённым: «...открывается...». Со второго этажа посыпалась штукатурка.

— Ладно, не переигрывай, — сказала я себе, но внутри всё ликовало. Это был ШАНС. Грязный, полуразрушенный, смертельно опасный, но ШАНС.

Энтузиазм, однако, быстро наткнулся на суровую реальность. В виде того самого сладковатого запаха. Он усиливался у подножия злополучной лестницы. Я осторожно подняла глаза. В полумраке второго этажа что-то блеснуло. Два маленьких, жёлтых огонька. Прямо на меня.

— Привет, — тихо сказала я. — Я новый арендатор. Ничего не имею против соседей, если они платят за половину аренды... мылом или, не знаю, крысами.

В ответ раздалось низкое, недовольное урчание. Огоньки качнулись. И тут до меня дошло. Сладкий запах. Старые духи. Точнее, не духи. Миазмы разложения. Это было логово чего-то. И это что-то сейчас смотрело на меня как на позд-

ний, но очень желанный ужин.

«Так, Алёна-Аэлин, — промелькнула мысль. — Ты нашла помещение с готовым клиентом. Правда, клиент, судя по всему, хочет не стрижку, а закуску. В виде тебя».

Я медленно, не отводя глаз от огоньков, попятилась к выходу. Урчание стало громче. Послышалось шарканье когтей по дереву.

— Я... я потом! — выпалила я. — Приду с... с презентацией! И бизнес-планом!

Я выскочила на улицу, и дверь захлопнулась у меня за спиной с таким звуком, будто само здание хихикнуло.

Я стояла, прислонившись к гнилому косяку, и отдышалась. Ирония ситуации была кристально ясна. Мне досталась идеальная, по меркам этого мира, недвижимость: бесплатная, с водой и... с живым охранником. Которому, возможно, просто не хватало общения и качественного груминга.

— Ну что ж, — сказала я вслух, глядя на свою будущую цирюльню. — Первый клиент у меня уже есть. Осталось только выяснить, что он предпочитает: ножницы или топор. И договориться о взаимовыгодном сотрудничестве. Без взаимного поедания.

День, начавшийся с дерьма на ботинке и падающего потолка, вдруг обрёл новую цель. Пусть и вонючую, пугающую и потенциально смертельную. Но свою.

Я потрогала в кармане единственную медную монету. На неё явно не купить ни замок, ни меч. Но можно купить, на-

пример, связку дешёвых сосисок. Или кусок тухлого мяса. На первое свидание с новым «управителем» салона сгодится.

«Инвестор, — решила я, отправляясь на вонючий рынок. — У меня просто появился первый инвестор. С нестандартными методами переговоров и специфическими запросами к интерьеру».

Главное — подойти к вопросу творчески. Как и ко всему в этой новой, чертовски странной жизни.

Глава 5

Мысль о том, чтобы задобрить потенциального людоеда тухлятиной, казалась гениальной только до тех пор, пока я не оказалась на рынке.

Рынок в Каменном Перекрёстке был местом, где можно было купить всё. Если под «всем» понимать вяленых крыс на палочке, какие-то сизые корни, похожие на части тел, и глиняные горшки с подозрительно шевелящимся содержимым. Запах стоял такой, что моя новая, неиспорченная экологией планеты обонятельная система Аэлин взывала в панике.

Я подошла к прилавку, над которым висела табличка «Мясо. Разное». Продавец, мужчина с лицом, напоминающим задумчивый кулак, лениво отмахивался от роя синих мух.

— Мне, — начала я неуверенно, — что-нибудь... пахнущее. Сильно пахнущее. И недорогое.

Кулакообразный мужчина оценивающе посмотрел на меня, на мои поношенные одежды, и беззвучно указал толстым пальцем на край прилавка. Там лежал кусок чего-то тёмно-багрового, от которого мухи, что характерно, держались поодаль. От него исходил лёгкий парок и аромат, средний между протухшими яйцами и отчаянием.

— Это что? — спросила я, стараясь не дышать носом.

— Диковина, — хрипло ответил продавец. — Морской змей, что ли. Выбросило. Крепкое. Монетку.

Одна-единственная медная монета Аэлин заняла у меня в кармане, как живая. Отдавать её за это... *это*... было все равно что выбросить в помойку последнюю надежду. Но что, если это сработает? Что, если это ключ от моего будущего салона?

— Держите, — сказала я с надрывом в голосе, протягивая монету. Она была тёплой и липкой от моих переживаний.

Продавец швырнул «диковину» в обрывок грязной ткани. Ткань немедленно пропиталась маслянистой влагой. Я взяла свёрток кончиками пальцев, как радиоактивные отходы, и поспешила прочь.

По дороге к моей будущей цирюльне-убийце я пыталась разработать стратегию.

Зайти.

Предложить угощение.

Не стать угощением

План казался железным. Если не считать того, что пункт три целиком и полностью зависел от гастрономических предпочтений существа на втором этаже.

Дверь скрипнула ещё громче, будто злобно смеясь. Внутри царил тот же полумрак и запах тлена, но теперь к нему

добавился мой «подарок». Сладковато-трупный аромат стал ещё насыщеннее. Огоньки наверху лестницы вспыхнули мгновенно.

— Эй, сосед! — крикнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я... принесла гостинец! В знак добрых намерений!

Я развернула ткань у подножия лестницы и отпрыгнула назад, как от гранаты. Кусок мяса с глухим шлепком упал на каменный пол.

Наверху зашевелилось. Послышалось тяжелое, влажное сопение. Потом — мягкие шаги. Очень мягкие. Слишком мягкие для чего-то большого.

Из мрака на лестницу выплыла... лапа. Покрытая не чешуёй, а спутанной, грязной шерстью цвета заплесневелого мха. Когти, длинные и жёлтые, как старые нарды, поскребли по дереву. Потом показалась морда.

Это был не тролль. И не дракон, слава всем богам. Это было нечто, напоминающее гибрид барсука и медведя, но с прищуренными, умными (и очень голодными) глазками-бусинками и парой коротких, грязных рожек на лбу. Существо размером с телёнка обнюхало воздух, фыркнуло и уставилось на мясо. Потом на меня.

— Вкусная диковина, — сказала я, делая широкий жест. — Морской змей! Для тебя!

Зверь (назовём его Барсукокозлом) медленно спустился, ни на секунду не отводя от меня глаз. Он обошёл «угощение», понюхал, а потом... флегматично ткнул в него мордой

и отшвырнул в угол. Мясо шлёпнулось об стену и осталось лежать. Мухи тут же слетелись на пиршество.

Барсукокозёл повернулся ко мне. В его взгляде я прочитала не звериную ярость, а что-то худшее: глубокое, обидное разочарование. Как у гурмана, которому подали разогретый в микроволновке доширак. Он урчал, и в этом урчании явно слышалось: «И это всё?»

— Понимаю, — залепетала я. — Не тот сорт. Гастрономические разногласия. Может, тогда... мирное сосуществование? Я тут внизу, ты наверху. Я не трогаю твоё... э... логово, ты не трогаешь моих будущих клиентов. И меня. Особенно меня.

Он сделал шаг вперёд. Я отпрыгнула к двери, нащупывая за спиной скрипущую доску. Он остановился, сел на задние лапы и... принялся вылизывать свою мохнатую лапу, время от времени поглядывая на меня с немим укором. В его действиях было что-то настолько презрительно-незаинтересованное, что стало даже обидно.

— Ладно, — сказала я, чувствуя, как страх понемногу сменяется странной досадой. — Значит, ты не ешь бродячих циркульниц. И протухшего морского змея тоже. Что же ты ешь?

Как будто в ответ, его взгляд скользнул к окну, за которым вдали виднелась крыша пекарни. И он облизнулся. Чётко и выразительно.

Сладкую выпечку. Вот чего хотело это мифическое (и

крайне разборчивое) чудище! Не дешёвого мяса, а булочек! Пирожков! Пряников!

Новая надежда, острая и абсурдная, кольнула меня.

— Договоримся, — быстро сказала я. — Я приношу тебе... кондитерские изделия. Регулярно. А ты... охраняешь помещение. От воров, от гильдии, от назойливых конкурентов. И не пугаешь клиентов. По крайней мере, тех, кто будет платить. Согласен?

Барсукокозёл перестал вылизываться. Он наклонил голову набок, его маленькие глазки-бусинки сузились. Казалось, он взвешивал предложение. Потом он издал короткий, носовой звук: «Хмпф». И медленно, с достоинством, развернулся и потопал обратно наверх, на своё логово.

Я выдохнула, дрожа от смеси ужаса и торжества. Первые переговоры с инвестором завершены. Условия: регулярные взятки в виде выпечки. Окупаемость: пока под вопросом. Но, чёрт возьми, у меня появился охранник! С рожками!

Я осталась стоять посреди своего будущего салона, глядя на заляпанную стену и слушая, как наверху устроилось поудобнее моё новое «бизнес-партнёрство». Запах был по-прежнему ужасен, крыша текла, а сосед мог в любой момент передумать насчёт вегетарианской диеты.

Но это было моё. Моя первая, совершенно безумная победа в этом мире.

— Ладно, Барсик, — сказала я в пустоту. — Завтра начи-

наем ремонт. А сейчас мне нужно придумать, как заработать на первый пряник. Не считая того, чтобы подстричь тебя. Хотя... — я прищурилась, глядя на его спутанную шерсть, торчащую с лестницы, — ...идея не лишена смысла. Тебе явно не помешает лёгкое мелирование.

Глава 6

Ремонт в салоне «Волшебный локон» (название приживалось) продвигался со скоростью растущего мха. То есть очень медленно и преимущественно в сырых углах.

Я вымела тонны паутины и исторического мусора, отдрабила каменный пол до состояния «приемлемо-грязноватый» и заделала самые кричащие дыры в стенах смесью глины и отчаяния.

Второй этаж оставался зоной отчуждения, суверенной территорией Барсика. Снизу доносилось его довольное сопение, особенно после того, как я принесла свою первую взятку — две черствых, но сладких булочки, выпрошенные за обещание «почистить гриву» у лошади водовоза.

Но салон без клиентов — это просто дырявый сарай с призрачными амбициями. А у меня была репутация поджигательницы и гильдейской изгнанницы. Сидеть и ждать у моря погоды было бессмысленно. Нужно было идти в народ. Спасать мир от плохих стрижек.

Мой первый «рекламный ход» был гениален в своей простоте. Я нашла на свалке разбитое зеркало, аккуратно вынула самый большой осколок и повесила его на стену. Потом взяла уголь и на грубо сколоченной из досок входной двери вывела: «ЦИРЮЛЬНЯ. УБОРКА ЛЮБОЙ СЛОЖНОСТИ. ВСЕМ СКИДКА». Последние два слова я написала помень-

ше, но жирнее. Маркетинг, он и в средневековье маркетинг.

Я ждала три дня. Мимо моей двери проходили торговцы, разносчики, пьяницы и одна очень важная на вид курица. Никто даже не замедлил шаг. Только Барсик, почуяв курицу, фыркнул наверху, отчего с потолка опять посыпалась штукатурка.

На четвертый день я уже мысленно готовила речь для Барсика на тему «как мы с тобой, друг, от голода пухнем». И тут дверь скрипнула.

Вошел не клиент.

Вошла ПРОБЛЕМА.

В человеческом обличье. Это была женщина лет пятидесяти, одетая в невероятное количество тёмных, поношенных тканей, напоминавшая испуганную, но очень колючую сову. На голове у неё красовалось нечто неопишемое. Это были не волосы. Это была... биомасса. Скорее всего, когда-то это была причёска «пучок», но теперь она превратилась в монолитный ком, спутанный до состояния войлока, украшенный какими-то засохшими стеблями (полынь? розмарин? прошлогодний укроп?), лентами выцветшего сатина и — я присмотрелась — парой мелких косточек. От всей конструкции исходил тонкий, но въедливый аромат затхлости, старых трав и отчаяния.

Женщина огляделась с таким видом, будто зашла в логово убийцы, и прошептала:

— Здесь... уборку делают?

— Уборку? — переспросила я, не веря своему счастью.

— О, да! Самую тщательную уборку! Проходите, сударыня!

Она сделала робкий шаг. В этот момент с лестницы донеслось громкое, сытое рычание. Барсик, видимо, переворачивался во сне. Женщина замерла, глаза стали размером с блюдца.

— Это... это что?

— Система вентиляции, — не моргнув глазом, соврала я.

— Старая. Скрипит. Не обращайтесь внимания. Садитесь!

Я указала ей на единственный табурет, который не разваливался сразу. Она села, не снимая платка, и сжала в руках потёршуюся сумочку.

— Меня зовут Мэг, — прошептала она. — Я... у меня вот... — она робко ткнула пальцем в свой головной убор.

— Понятно, — кивнула я с профессиональным сочувствием, какое когда-то выказывала клиенткам после неудачной химзавивки. — Ситуация требует решительных мер. Доверьтесь мне.

Я осторожно, как сапёр бомбу, начала распутывать верхний слой. Мои пальцы встретили сопротивление, достойное стального троса. Это была не просто колтун. Это был ЦИТА-

ДЕЛЬ. Крепость, возведённая годами пренебрежения, смазанная сальными выделениями и укреплённая инородными телами.

— Здесь... водились ли... мелкие живые существа? — осторожно поинтересовалась я, извлекая очередной сухой стебель.

— Только мой кот, Беляшок, — прошептала Мэг. — Он любил спать у меня на голове. Потом... пропал.

Я молча извлекла из глубины причёски клочок рыжей шерсти. Молча положила его на стол. Мэг ахнула.

Работа продвигалась. Я использовала всё: свой ремесленный нож (как расческу), воду (чтобы хоть как-то смягчить этот монолит), и тихие молитвы всем богам, которых только могла вспомнить. Пахло теперь не просто затхлостью, а конкретно кошачьим туалетом и лесной подстилкой. Барсик наверху пару раз фыркнул, выражая явное неодобрение таким ароматам в его владениях.

Через час битвы я стояла перед результатом. На голове у Мэг были... волосы. Тонкие, жидкие, пепельного цвета, до плеч. Они лежали, как измотанные после долгой войны солдаты. А на столе передо мной лежала гора. Гора из спутанных волос, трав, лент, косточек и воспоминаний. Это было эпично.

Я вздохнула и взяла в руки ножницы (те самые, бритвенно-острые, единственные). Надо было придать форму. Сде-

лать каре? Нет, волосы слишком жидкие. Каскад? Не держатся. Я решилась на простую, но элегантную стрижку «под горничную» — ровно по длине, с легкой филировкой на концах. Работала на ощупь, почти вслепую, потому что осколок зеркала отражал только мой перекошенный от напряжения глаз.

Когда я закончила, то подала Мэг маленькое, отполированное донельзя металлическое блюдце — мой заменитель зеркала.

— Готово, сударыня.

Мэг робко взглянула на свое отражение. Она долго молчала. Потом её глаза наполнились слезами.

— Я... я себя не узнаю, — прошептала она. — Это... я?

— Это вы, — уверенно сказала я. — Только без лишнего исторического багажа.

Она заплакала. Но это были хорошие слёзы. Потом она полезла в сумочку и извлекла... не монету. Две морковки, луковицу и маленький мешочек с овсяной мукой.

— У меня нет денег, — сказала она виновато. — Муж умер, работать некому... Это все, что есть.

Мой желудок, забывший о нормальной еде, предательски заурчал. Картина была ясна: я, парикмахер экстра-класса, получила гонорар овощами. В моём прошлом мире это на-

зывалось бы бартером. Или крахом цивилизации.

— Идеально, — сказала я, забирая «оплату». — Первый клиент — особый случай. Но, Мэг, — добавила я, когда она уже направлялась к двери, — если кто-нибудь спросит... где вы так чудесно причесались...

Она обернулась, и в её глазах, впервые за долгое время, блеснула искорка.

— Скажу, что мне помогла добрая фея, — таинственно прошептала она. — В старой карете у канавы. Но только тем, кто в этом действительно нуждается.

Она ушла. Я осталась стоять среди своего салона, пахнущего теперь луком, кошачьей шерстью и победой.

У меня не было денег. Зато были овощи. И первый, самый важный актив — сарафанное радио. Пусть пока в лице одной плачущей от счастья женщины с котом на голове.

Я взглянула на лестницу.

— Слышал, Барсик? У нас есть клиент. Не смей её пугать, если придёт ещё. Она теперь наш тайный агент.

Сверху в ответ донеслось снисходительное хрюканье. Но в этот раз без угрозы. Почти одобрительное.

Накормив Барсика одной из морковок (он принял её с тем же видом разочарования, что и мясо морского змея, но всё-таки похрустел), я принялась готовить из овсяной муки и воды нечто, отдаленно напоминающее блин. Это был мой

первый ужин, заработанный трудом. Вонючим, странным, но честным.

Салон «Волшебный локон» начал свою работу. Со скрипом, с овощной оплатой и с лохматым инвестором на втором этаже. Но начал. И это было чертовски приятно.

Глава 7

Сарафанное радио, как оказалось, в Каменном Перекрёстке работало не хуже, чем телеграм-каналы в моей прошлой жизни. Только передавалось оно шёпотом, с оглядкой, и клиент

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.